

Цзи Сы окинула взглядом клинок, ловким движением запястья встряхнула его — полы одежды взметнулись, и меч с резким звоном изогнулся, превратившись в полную луну, плотно обвив её талию и став почти неотличимым от пояса.

Дядюшка Ван промолвил: «Госпожа велела передать: будьте осторожны, не поранитесь».

—

— Кхм-кхм! — Цинь Цзюнь чихнула и, вся в пыли, неловко выбралась из хранилища сокровищ.

Цзиньсю, придерживая повреждённую руку, обратилась к ней:

— Принцесса.

Цинь Цзюнь махнула ладонью:

— Всё в порядке. Всё перерыла — кроме книг да этого меча, ничего больше нет.

Сяо Таоцзы, придерживая лестницу, спросила:

— Принцесса, а откуда вы узнали, что на чердаке книгохранилища есть потайной ярус?

Цинь Цзюнь, спускаясь по ступенькам, сложила книги, собранные в подол платья, на пол:

— Государственная тайна. Не спрашивай. Прикрой это всё. Меч отправили?

— Отправили, — ответила Цзиньсю.

Цинь Цзюнь кивнула:

— Когда Фэй уйдёт, обучи её фехтованию.

Цзиньсю замялась:

— Убийца и мечник — извечные противники. Один олицетворяет добро, другой — зло, их внутренние методы различны. Как они могут тренироваться вместе?

— А разве не лучше сочетать и то, и другое? — Цинь Цзюнь озарила её лучезарной улыбкой. — Разве гибкий меч не удобнее для скрытого ношения, чем кинжал? Спрятанный на талии или запястье, он может ненароком поранить владельца. Разве это не путь благородного мужа: ежедневно вглядываться в себя, быть в бдительности и самоконтроле?

Цинь Цзюнь отряхнула платье, снимая с головы паутинку:

— Разве техника меча семьи Ли не передаётся посторонним?

— Под сенью Сына Неба любой может изучать это искусство, — ответила Цзиньсю. — В отличие от убийц, которые всегда скрытны.

Сяо Таоцзы с любопытством спросила:

— Тогда почему вы, принцесса, не учитесь? И ещё отдали тот драгоценный меч?

— Женщинам подобает оставаться в покоях, им не нужно защищать страну, — сказала Цзиньсю. — Не то что в Западном Цзяне — крае убийц, где нет различий между мужчинами,

женщинами, стариками и детьми, и все они используют подлые приёмы.

Теперь-то понятно, почему убийцы и мечники — непримиримые враги. Цинь Цзюнь улыбнулась.

Сяо Таоцзы не унималась:

— Но как тогда Цзиньсю научилась владеть мечом?

Цзиньсю взглянула на неё:

— Я тайком перенимала умения у покойной госпожи. В те годы она возжелала отправиться в войска. Я украла секретные манускрипты с методами, проникла в армию и не могла бросить свою госпожу, потому днём и ночью упорно тренировалась.

Цинь Цзюнь сжала губы, и улыбка сошла с её лица:

— Сначала вернёмся, мне нужно омыться. Не знаю, может, какая-то букашка заползла — спина ужасно чешется.

Сяо Таоцзы тут же засуетилась:

— Быстро, быстро! Я сейчас же распоряжусь, чтобы во дворце приготовили воду!

Цинь Цзюнь совершила омовение и переоделась. Едва она перевела дух, как служанка внесла и подала ей более десятка визитных карточек.

Сяо Таоцзы приняла их и разложила перед Цинь Цзюнь. Та просмотрела и удивилась:

— Знатные девицы Верхней столицы не теряют даром времени. В такую стужу ещё и пиршество с цветущей сливой устраивают.

Цзиньсю перебрала остальные карточки:

— Принцесса, все приглашения — на пиршество с цветущей сливой.

— Это же часть светской жизни в женских покоях, — заметила Сяо Таоцзы.

Цинь Цзюнь вздохнула:

— А нельзя не ходить?

Служанка, доставившая карточки, звалась Син'эр и, как и Сяо Таоцзы, была одной из старших служанок при Цинь Цзюнь. Услышав вопрос, она сказала:

— Принцесса, в последнее время драгоценная наложница Цзи, занятая подготовкой к новогоднему собранию и бесконечными приёмами жён удельных князей и губернаторов, совсем выбилась из сил.

— ... Неужели во всём заднем дворце не осталось ни одной госпожи, способной возглавить церемониал? — спросила Цинь Цзюнь.

— Отвечаю вашей светлости: все оставшиеся — рангом ниже наложницы. Их статус недостаточно высок, чтобы вести речи перед жёнами князей и почётными дамами трёх гунов,

— ответила Син'эр.

«...»

—

— Вот скопированная мной карточка. Отнеси её хозяйке пиршества с цветущей сливой, — Цзи Сы протянула карточку Чжан Яо.

Та приняла именную карточку, но молчала, словно желая что-то сказать.

— Что такое? — спросила Цзи Сы.

— Госпожа, дядюшка Ван говорил, что на это пиршество придут только знатные девицы, — проговорила Чжан Яо. — Мы... сможем туда проникнуть?

Цзи Сы слегка изогнула уголки губ:

— А почему бы и нет? Разве я не указала на карточке ясное происхождение?

Чжан Яо раскрыла карточку и увидела внутри надпись: «Резиденция Ли».

«...»

— Семья Ли... Пинь-нян, в Верхней столице столько Ли. Почему бы не указать, какому именно сановнику они служат? — смутилась Чжан Яо.

Цзи Сы, не спеша, промыла кисть и сказала:

— Если укажу чин, так сразу и разоблачат. Ты сама говоришь — фамилии Ли в столице превеликое множество, да ещё и приезжие удельные князья с губернаторами. Неизбежны будут упущения. Ступай, веди себя надменно, припугни привратников-слуг, вручи карточку, развернись и уходи. А уж кем мы будем — пусть сами гадают.

— Возвращайся окольной дорогой, следов не оставляй.

Чжан Яо, поняв замысел, закивала, спрятала приглашение и отправилась по делам.

— Дядюшка Ван! — позвала Цзи Сы за дверь.

Дядюшка Ван вошёл и поклонился:

— Госпожа.

— Сходи в лавку и принеси платье, что госпожа заказала для меня, — распорядилась Цзи Сы.

— Слушаюсь.

Пиршество с цветущей сливой было устроено у подножия горы Цзюнь, на просторной равнине. Длинная река, скованная льдом и укрытая снегом, была расчищена рабами ещё за два дня до этого.

У подножия горы Цзюнь прорубили лёд и проложили путь, спустили на воду несколько лодок, чтобы знатные девицы могли переправиться к сливовому лесу или кататься по реке. Взгляд

поднимался к заснеженной вершине горы Цзюнь, к её извилистым, бесконечно переливающимся склонам — зрелище поистине величественное.

Гора Цзюнь, возвышающаяся в двадцати ли от Верхней столицы, образует естественную преграду. Помимо императорской дороги, с запада в город ведёт лишь этот путь. Чтобы попасть в столицу, кроме как через восточные ворота, нужно пересечь эти горы Цинь-Цзюнь.

Император Чжоу как-то изрёк, что это защитная гора, соединяющаяся с городскими каналами; что горы и воды здесь едины, оберегая Цинь-Чжоу вот уже триста лет. Гора величественна, но её подножие посреди зимнего запустения являло совсем иную картину.

Алые сливы на десять ли вокруг, подобно алым облакам, усыпанные редкими снежинками, создавали нежный, чудесный контраст суровым зелёным скалам и ледяному ветру. Но в этой нежности таилось нечто иное. На десять ли вокруг цвёл сливовый лес, пылая яркими красками, а за его пределами, словно тени, замерли в строю стражи в чёрных доспехах. Отряд закованной в латы конницы гарцевал вдоль берега, бдительно охраняя покой от любых недоброжелателей.

Слуги устроили в лесу пиршественные шатры, расчистили площадку для костра, где жарилось мясо, подносили бочками доброе вино, а яства, украшенные цветами сливы, громоздились на ледяных блюдах. Даже прислуживающие здесь служанки и горничные были одеты в струящиеся длинные платья.

У опушки леса остановились нарядные экипажи с породистыми конями. Знатные девицы, беседуя и смеясь, уже подходили к реке. Странно, но, подойдя, они не спешили садиться в лодки, а толпились на противоположном берегу, с нетерпением чего-то ожидая.

Цинь Цзюнь, сойдя с коня и попав под порыв ледяного ветра, тут же чихнула:

— Апчхи!

— Принцесса! — Сяо Таоцзы поспешно сунула ей в руки грелку и, поддерживая, принялась озираться. — Здесь и правда оживлённо.

Цинь Цзюнь приподняла полы платья, опасаясь наступить на них и поскользнуться.

Две служанки поддерживали её под руки. Едва Цинь Цзюнь ступила на землю с экипажа, как её окружило белое облако.

— Принцесса прибыла!

— Принцесса!

— Приветствуем принцессу!

Все они видели её ранее на дворцовых приёмах, потому теперь, окружив, почтительно склонились в поклоне.

— Тысячелетие принцессе!

—

— Стой!

В нескольких ли от реки, у входа на берег, дежурил отряд стражников.

— Чей экипаж? Почему нет родового знака! — Стражи преградили путь повозке Цзи Сы.

Вороной конь фыркнул, нетерпеливо тряхнул головой и выпустил клубы пара прямо в лицо стражнику.

Дядюшка Ван, правивший лошадьё, протянул нефритовую подвеску:

— Прошу доложить о нашем прибытии.

Стражник нахмурился, взял подвеску и направился в сливовый лес.

На самом берегу реки группа знатных девиц как раз окружала Цинь Цзюнь, помогая ей переправиться.

Дочь великого наставника, Сунь Мэй, устроительница пиршества, поддерживая Цинь Цзюнь под руку, тихо беседовала с ней.

— Слышала, после новогодних празднеств принцесса редко посещает подобные собрания. Что же сподвигло вас прибыть сегодня? — Тон Сунь Мэй был почтительным, но в самих словах сквозила странная нотка.

Отец Сунь Мэй занимал в Цинь-Чжоу пост великого наставника, был влиятельным сановником среди гражданских чинов. Его старший сын, Сунь Юй, был повесой, а сама Сунь Мэй — девицей надменной и своенравной.

<http://bllate.org/book/16274/1465164>